

Николай Алексеевич выключил бритву и привычным жестом провёл ладонью по щекам и подбородку.

«Станком было бы чище, но сойдёт и так», – подумал, выходя из ванной.

Вообще, в последнее время Разживин стал не так щепетилен, как раньше. Мог пойти на работу в неглаженной рубашке или пыльных ботинках. Может, старость? Как никак, шестой десяток на исходе да напряжённая служба – «восьмичасовой» рабочий день, с восьми до восьми... Но на грядки и лунки пока не хотелось. Поёжился – а ведь, рано или поздно, придётся уходить.

Уже в костюме, шагая через большую комнату, остановился у книжной стенки. Пухлый альбом поблёскивал за узким стеклом золотым тиснением: «Иван Иванович Сомов – инженер и меценат». Приоткрыл высокую дверцу, бережно пролистнул гладкие страницы.

Сомов приходился прадедом жене Разживина, Ираиде Марковне. Сотню лет назад его имя было на слуху у остановцев. В городке Останово, тогда уездном центре, Иван Иванович развернулся не на шутку. Спроектировал и построил храм, перекрыл торговые ряды, возвёл водонапорную башню. Даже надумал как-то идти в депутаты Государственной Думы, да прилетел один степенный хлыщ и подпоил местных богатеев, которые на радостях двинули в парламент чужака.

На обложке книжицы был запечатлён великолепный трёхэтажный особняк. Дом этот, завещанный Сомовым землякам, и по сей день стоял в центре городка. Но уже не украшал, а устрашал центр неприглядным видом. Особняк был неизбывной болью Николая Алексеевича как главы района. И так, и эдак подбирался Разживин к реставрации сомовского гнезда. Но какие у муниципалов средства! Не до жиру, быть бы живую.

Так было до прошлого года, пока Москва вдруг не вынула из каких-то резервов немалые деньги. Умельцы-федералы нарисовали красивый нацпроект поддержки сельских территорий, Остановский район не прозевал, губернатор вовремя поддержал – и вот забрезжила надежда, что особняк Сомова будет отреставрирован. Когда-то на скромной презентации того самого альбома в местной библиотеке Николай Алексеевич твёрдо пообещал восстановить главное наследие инженера – его дом и, похоже, не обманул жителей городка.

Ираида Марковна, целуя мужа в прихожей, взглянула с благодарностью:

– Теперь я верю, что всё получится.

И значительно добавила:

– Тебе верю.

– Если дочка позвонит, то сразу маякни, – наказал Разживин с лестничной клетки.

«Всё одно к одному, – удовлетворённо думал глава, усаживаясь в служебную «Тойоту ландкрузер». – Наверное, пора и на заслуженный отдых собираться. Деньги в район пришли. Не упустить бы момент, чтобы вовремя закруглиться...».

Сколько его коллег погорело, не умея вовремя сказать «стоп». Себя Николай Алексеевич полагал мудрым и осторожным. И как раз от этого-то предвидения, подкреплённого немалым опытом, было слегка неспокойно. Привлечь средства – одно, а разумно и законно их освоить – совсем другое.

– Николай Алексеевич, – прервал мысли шефа водитель Саша. – Наше место занято. Никак, гости?

Прямо перед крыльцом администрации на парковочном пятачке, где обычно стояла машина главы района, лоснился на солнце чёрный капот «мерса» с красивым номером. Разживин без труда узнал машину вице-губернатора. Отметил тут же: во-первых, никто из своих не позвонил, не предупредил («делай выводы, Лексеич»), во-вторых,

раз Лозовский сам пожаловал, значит, от большой гадости его так и распирает. В глаза сказать хочет.

Пётр Семёнович Лозовский, заместитель губернатора по строительству, известный в чиновной среде по кулуарной кличке «два ё», обнаружился в кабинете Глотова, Разживинского зама. «Рыбак рыбака...», – усмехнулся про себя глава. Про тайные выходы Глотова на область он давно знал – покровителей ищет в борьбе за главное кресло в районе. Что ж, человек ловкий, предусмотрительный.

– Какими судьбами, Пётр Семёнович? – воскликнул Разживин, не смущаясь наигранности в голосе.

– Да вот, по поручению самого, – улыбнулся Лозовский, слегка обнажив мелкие зубы. – Мы с Глебом Геннадьевичем уже переговорили.

«Уже переговорили, ух ты, какие молодцы», – Николай Алексеевич почувствовал, как жар на мгновение подступил к темени.

– Замечательно! – сказал Разживин, пододвинув себе стул. – Значит, можем не идти ко мне, раз Глеб в курсе.

«Вот так, обойдётся, кофеем тебя поить не собираюсь», – глава района коротко взглянул на вице-губернатора.

– Да и я во времени ограничен, – сухо отозвался Лозовский и откинулся на спинку дивана, выкатив брюшко. – Вопрос касается федеральной субсидии на реставрацию объекта, э-э, дома Сомова. Вы знаете, что Москва даёт только половину суммы, остальное изыскивает бюджет субъекта. Мы ознакомились с вашими предложениями касательно исполнителей контракта. Это хорошие специалисты, но... услуги их мастерской стоят очень дорого. Конкурс им не выиграть. Есть другое предложение.

Когда Николай Алексеевич услышал «предложение» областного гостя, он едва справился с желанием возразить в непечатных выражениях – да кому они отдадут работу! Досчитал в уме до десяти и как можно мягче процедил слова:

– Я считаю, Пётр Семёнович, что эта компания не справится с поставленной президентом задачей. У них даже техники нет.

– Техникой обеспечим, – подал голос Глов. – Идею Петра Семёновича полностью поддерживаю.

«И ты туда же, – уничижительно подумал о своём заместителе Разживин. – Когда львы обедают, шакалы подьедают».

– Знаю вашу позицию и понимаю, – кивнул Лозовский, – но, несомненно, Глеб Геннадьевич поможет изыскать необходимые ресурсы внутри района. Ваши подчинённые вас не подведут. А вопрос с исполнителем решён там, – «два ё» многозначительно поднял указательный палец. – И решён окончательно.

«Господи, в кои-то веки понадеялся, – сокрушённо думал Николай Алексеевич, когда уже расположился в своём родном кресле. – Нашли фирму-однодневку. Теперь до зимы точно работы не закончат, если вообще когда-нибудь

сделают. Да ещё вопрос – как сделают? Ирочка расстроится...»

Разживин был выбит из утреннего настроения летом Лозовского. Царедворец мало не в открытую намекнул на Глотова – вот тот, кто всё сделает, если заупрямишься.

Тяжёлый взгляд хозяина упал на альбом о Сомове. В кабинете книга тоже занимала почётное место на центральной полке застеклённого шкафа. Как же они строили? И так строили, что по сей день стоит, пусть и израненное временем – но стоит! А в чём же память о нас сохранится, если не только паразитами свой век проживём, но и чудом сбережённое загубим...

В неплотно притворённую дверь осторожно постучали. В проёме появились залысины Бориса Токарского, заведующего общим отделом.

– Николай Алексеевич, можно?

Прижимая к животу синюю папку, молодой служащий примостился с краю обширного стола для совещаний. Разживин выбрался из вороха бумаг, устроенного на его рабочем месте, на ходу нацепил очки (глаза стали подводить, пришлось «остеклиться»), по выражению жены).

– Николай Алексеевич, есть хорошая новость, – произнёс Токарский и выудил из папки листок с печатью. – Пришла архивная справка. Теперь окончательно понятно, что Троицкая церковь в Лядове построена по проекту Ивана Ивановича Сомова.

Разживин внимательно прочитал документ, затем ещё раз. Да, так и есть. Вот что значит поручить розыски историку (хоть и «с бухгалтерским уклоном») – а Борис попал в администрацию почти со студенческой скамьи. Местные краеведы много лет обсуждали, участвовал ли Сомов в возведении Лядовского храма, а оказалось, что надо было только нырнуть поглубже, в недра питерских архивов.

– Ну, что ж, порадовал, Борис Константиныч, – Разживин стянул очки и потёр переносицу. – Значит, сомовская она...

– Только вот, Николай Алексеевич, церковь почти в руинах. Так как время постройки – начало двадцатого века, плюс отдалённость, ни епархия, ни область за восстановление не берутся. В управлении по охране памятников даже на учёт её со скрипом поставили.

– В руинах, говоришь, – раздумчиво произнёс Разживин. – Слушай, Борис Константиныч, а не съездить ли посмотреть. Это тридцать километров отсюда. Сейчас Сашу наберу.

Через десять минут «Тойота» летела по новой дороге в сторону Лядова. Разживин не без гордости поглядывал через лобовое стекло на ровный асфальт. В прошлом году исхитрился передвинуть шоссе с муниципального бюджета на баланс облавтотдора. Так что латать ямы пришлось губернатору, а скромные средства района были сэкономлены. Николай Алексеевич всё-таки считал себя неплохим хозяином.

Мельком увидел своё отражение в зеркале бокового вида.

«А постарел. Морда, вон, вся вкривь-вкось от морщин. Двадцать лет на районе. С позапрошлого губернатора ещё. В четырёх партиях побывать успел, теперь, как все – в этой... Туда шёл, где району польза была. С самого-то не убудет. Сына, дочь вырастил, внучата пошли. Надо уходить, по-доброму. Место таким, как Готов, уступить? – подумал раздражённо. – Но и таким, как Токарский. Он парень умный, так что ещё неизвестно, кто кого».

– Борис Константиныч, – к заведующему общим отделом всегда обращался по имени-отчеству, так уж повелось, хоть тот и был вдвое моложе. – Как думаешь, в Юркино заехать, Крайнева навестить?

– Да, надо, – баском ответил Токарский с заднего сиденья. – Если мы в его поселении будем, так почему не заглянуть?

– Вот. Правильно мыслишь, – улыбнулся глава. – И не только заехать, но и позвонить, чтобы всё по-людски.

Хотел добавить чего-нибудь про утренний визит Лозовского, но сдержался.

Сергей Макарович Крайнев, глава Юркинского поселения, крепкий старик, сидел на неказистом крыльце сельской администрации. Надвинув шляпу на кустистые брови, поднялся с верхней ступеньки. Неспешно поздоровался с остановившей троицей.

– Чего в Лядове-то забыли?

– Церковь едем смотреть, – пояснил Разживин.

– А чего её смотреть, Лексеич. Её поднимать надоть.

– Ишь ты, – добродушно усмехнулся глава района. – А подъёмные где взять?

– Начни – появятся. Слышал историю? Монах один храм строил. С братом. И не рассчитал, кончились деньги-то. Всю ночь молились братья. А с утра прибрела к их келейке лошадь: на одном боку мешок с серебром, а на другом – с золотом.

Николай Алексеевич серьёзно смерил Крайнева взглядом:

– Макарыч, ты с каких пор набожным стал?

– А в нашем глухом углу без молитвы не выжить, Лексеич.

– Ладно, садись, дорогу покажешь.

Последние два километра «Тойота» еле вытаскала по разъезженной грунтовке, благо ещё, подсохла земля. От деревни, как было видно, почти

ничего не осталось: с десяток домов, да и те все дачные. Троицкий храм, когда-то величественный, далеко приметный богомольцам золотом пятиглавия, сильно сдал за минувший, без малого, век. Грудами осыпались кирпичи, устало покосилась колокольня, рухнул один из приделов. Берёзки бесцеремонно лезли на крышу, а вороны и галки гнездились под сводами сомовского творения. Вход был заперт амбарным замком, который не без усилий отцепил Крайнев. Когда вошли внутрь, сквозь проёмы окон синело небо.

– Лет пять назад перекрыли мы его новой крышей, – уточнил Макарыч. – Временно, конечно, но всё лучше, чем когда дождём заливало.

– А чего его беречь? – встрял Саша-водитель. – Всё равно почти никого в деревне не осталось из местных.

– А память как же? – возмущился историк Токарский. – Люди строили, надеялись, что для потомков, сколько сил сюда вложили.

– Сомов строил, Иван Иванович, – повернулся к спутникам глава района.

– Крепко строил, – оценил Саша.

У Николая Алексеевича запел телефон в кармане.

– Ирочка? Да ты что?! Когда? Аня звонила? Ну, слава Богу! Где я? Да в храме. Далеко. Потом расскажу. Потом, потом... Еду!

Опустив руку, секунду постоял молча, как будто в оцепенении. Широко улыбнулся:

– У меня внук родился. Николай-второй. Я – первый, а он – второй.

– Ну, ты даёшь, Лексеич! – облапил Разживина Макарыч. – Внук – это сила! У меня их пятеро, сорванцов, и все – пацаны.

– Поздравляю, Николай Алексеевич! Отметить бы, в Юркино надо в магазин заскочить, – спланировал Саша.

– Прямо знак какой-то, – глава района поднял взор под своды. – И звонок ведь прорвался сюда... неспроста. Я всё вот про что думаю. Сомов Иван Иванович всю жизнь строил. Храмы строил, землю нашу. А мы чем хуже? Будем буреломом зарастать, чтобы внуки на наши могилы плюнули? Хватит уже, наразрушали на сто лет вперёд. Строить будем. Я так думаю, мужики: надо Троицу поднимать.

– Неподъёмная она, Лексеич, – вздохнул Крайнев. – Но я тебе первый помощник. И на сынов моих рассчитывай смело.

– Если дело хорошее, Макарыч, то и Господь пособит. Иначе никак.